Канарейку в подарок / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Канарейку в подарок / рассказ КАНАРЕЙКУ В ПОДАРОК

Поезд промчался мимо длинного кирпичного дома с садом и четырьмя толстыми пальмами, в тени которых стояли столики. По другую сторону полотна было море. Потом пошли откосы песчаника и глины, и море мелькало лишь изредка, далеко внизу, под скалами.
— Я купила ее в Палермо, — сказала американка. — Мы там стояли только один час: это было в воскресенье утром. Торговец хотел получить плату долларами, и я отдала за нее полтора доллара. Правда, она чудесно поет?
В поезде было очень жарко, было очень жарко и в купе спального вагона. Не чувствовалось ни малейшего ветерка. Американка опустила штору, и моря совсем не стало видно, даже изредка. Сквозь стеклянную дверь купе был виден коридор и открытое окно, а за окном пыльные деревья, лоснящаяся дорога, ровные поля, виноградники и серые холмы за ними.
Из множества высоких труб валил дым — подъезжали к Марселю; поезд замедлил ход и по одному из бесчисленных путей подошел к вокзалу. В Марселе простояли двадцать пять минут, и американка купила «Дэйли мэйл» и полбутылки минеральной воды. Она прошлась по платформе, не отходя далеко от подножки вагона, потому что в Каннах, где стояли двенадцать минут, поезд тронулся без звонка, и она едва успела вскочить. Американка была глуховата — она боялась, что звонок, может быть, и давали, но она его не слышала.
Поезд вышел с марсельского вокзала, и теперь стали видны не только стрелки и фабричный дым, но, если оглянуться назад, — и город, и гавань, и горы за ней, и последние отблески солнца на воде. В сумерках поезд промчался мимо фермы, горевшей среди поля. У дороги стояли машины; постели и все домашнее имущество было вынесено в поле. Смотреть на пожар собралось много народа. Когда стемнело, поезд пришел в Авиньон. Пассажиры

входили и выходили. Французы, возвращавшиеся в Париж, покупали в киоске сегодняшние французские газеты. На платформе стояли солдаты негры в коричневых мундирах. Все они были высокого роста, их лица блестели в свете электрических фонарей. Они были совсем черные, и такого высокого роста, что им не было видно, что делается в вагонах. Поезд тронулся, платформа и стоявшие на ней негры остались позади. С ними был сержант маленького роста, белый.

В спальном купе проводник откинул три койки и застелил их. Американка всю ночь не спала, потому что поезд был скорый, а она боялась быстрой езды по ночам. Ее койка была у окна. Канарейку из Палермо, в закутанной шалью клетке, вынесли в коридор рядом с уборной, подальше от сквозняка. В коридоре горел синий фонарь. Всю ночь поезд шел очень быстро, и американка не спала, ожидая крушения.

Утром, когда до Парижа оставалось совсем немного, американка вышла из умывальной, очень свежая, несмотря на бессонную ночь, очень здоровая на вид, — типичная американка средних лет. Раскутав клетку и повесив ее на солнце, она отправилась в вагон-ресторан завтракать. Когда она вернулась в купе, постели были уже убраны и превращены в сиденья, канарейка отряхивала перышки в солнечном свете, лившемся в открытое окно, и поезд подходил к Парижу.

— Она любит солнце, — сказала американка. — Сейчас запоет.

Канарейка встряхнулась и начала чистить перышки.

— Я всегда любила птиц, — сказала американка. — Я везу ее домой, моей дочке… Вот она и запела.

Канарейка чирикнула, и перья у нее на шее взъерошились, потом она опустила головку и зарылась клювом в перья. Поезд пролетел через мост и шел очень чистеньким лесом. Один за другим мелькали пригороды Парижа. В пригородах были трамваи, и на стенах, обращенных к полотну, большие рекламы: Белль Жардиньер, Дюбонне и Перно. Все, мимо чего проходил поезд, выглядело словно натощак.

Сначала я не прислушивался к разговору американки с моей женой.

— Ваш муж тоже американец? — спросила она.

— Да, — отвечала моя жена. — Мы оба американцы.
— Я думала, что вы англичане.
— О нет, — сказала жена.
— Может, вам это показалось потому, что я ношу подтяжки? — сказал я.
Американка не слышала. Она была совсем глухая и понимала собеседника по движениям губ, а я не смотрел на нее. Я смотрел в окно. Она продолжала разговаривать с моей женой.
— Я так рада, что вы американцы. Из американцев выходят самые лучшие мужья, — говорила она. — Вы знаете, из-за этого нам пришлось покинуть Европу. В Веве моя дочь влюбилась в иностранца. — Она помолчала. — Они были безумно влюблены друг в друга. — Она опять замолчала. — Я ее увезла, конечно.
— Но теперь это у нее прошло? — спросила моя жена.
— Не думаю, — ответила американка. — Она ничего не ест и совсем не спит. Как я ни старалась, она ничем не интересуется. Она ко всему равнодушна. Не могла же я позволить, чтобы она вышла за иностранца. — Она помолчала. — Один из моих друзей говорил мне, что иностранец не может быть хорошим мужем для американки.
— Да, — сказала моя жена, — думаю, что не может.
Американка похвалила дорожное пальто моей жены, — оказалось, что она уже лет двадцать заказывает платья в том же самом ателье на улице Сент-Оноре. У них есть ее мерка и знакомая vendeuse [1], которая знает ее вкус, подбирает ей платья и посылает их в Америку. Посылки приходят в почтовое отделение недалеко от ее дома, в центре Нью-Йорка. В почтовом отделении их вскрывают для оценки, пошлина не очень высокая, потому что платья всегда простые, без золотого шитья, без отделки, и не кажутся дорогими. До теперешней vendeuse, Терезы, была другая vendeuse, Амели. Их было всего две — за все двадцать лет. Couturier [2] оставался все время один и тот же. А вот цены повысились. Хотя при нынешнем курсе это неважно. Теперь у них есть мерка ее дочери. Она уже совсем взрослая, и мерку едва ли придется менять.
Поезд подходил к Парижу. Укрепления сровняли с землей, но трава здесь так и не выросла. На путях стояло много вагонов:

коричневые деревянные вагоны-рестораны и коричневые деревянные спальные вагоны, которые в пять часов вечера отправятся в Италию, если поезд по-прежнему отходит в пять; на этих вагонах были таблички: «Париж — Рим»; и вагоны пригородного сообщения, с сиденьями на крышах, которые дважды в день бывают переполнены, если все осталось по-старому; мимо мелькали белые стены домов, и бесчисленные окна. Все было словно натощак,

— Американцы — самые лучшие мужья, — говорила американка моей жене. Я снимал чемоданы. — Только за американцев и стоит выходить замуж.

— А давно вы уехали из Веве? — спросила моя жена.

— Осенью будет два года. Вот я и везу канарейку ей в подарок.

— А этот молодой человек был швейцарец?

— Да, — ответила американка. — Из очень хорошей семьи. Будущий инженер. Они там и познакомились, в Веве. Подолгу гуляли вместе.

— Я знаю Веве, — сказала моя жена. — Мы провели там медовый месяц.

— Неужели? Надо думать, это было чудесно. Мне, конечно, и в голову не приходило, что она может в него влюбиться.

— Веве чудесное место, — сказала моя жена.

— Да, — сказала американка. — Не правда ли? Где вы там останавливались?

— Мы жили в «Трех коронах», — сказала моя жена.

— Хороший старый отель, — сказала американка.

— Да, — сказала моя жена. — У нас была очень хорошая комната, и осенью там было чудесно.

— Вы были там осенью?

— Да, — сказала моя жена.

Мы проезжали мимо трех вагонов, которые попали в крушение. Стенки вагонов были разворочены, крыши смяты.

— Посмотрите, — сказал я, — здесь было крушение. Американка взглянула в окно и увидела последний вагон.

— Именно этого я и боялась всю ночь, — сказала она. — У меня бывают иногда ужасные предчувствия. Никогда больше не поеду ночным экспрессом. Должны же быть другие удобные поезда, которые ходят не так быстро.

Тут поезд вошел под навес Лионского вокзала, остановился, и к окнам подбежали носильщики. Я передал чемоданы в окно, мы вышли на тускло освещенную длинную платформу, и американка вверила свою особу попечениям одного из трех агентов Кука, который сказал ей:

— Одну минуту, мадам, я найду вашу фамилию в списке. Подкатив тележку, носильщик нагрузил на нее багаж; и мы простились с американкой, чью фамилию агент Кука уже отыскал в ворохе отпечатанных на машинке листков и, отыскав, сунул листки в карман.

Мы пошли за носильщиком и с тележкой по длинной асфальтовой платформе вдоль поезда. В конце платформы, у выхода, контролер отбирал билеты.

Мы возвращались в Париж, чтобы начать процесс о разводе.

1927.

Избранные произведения в 2-х томах. Под ред. И.Кашкина. Государственное издательство Художественной литературы, Москва 1959

Перевод Н.Дарузес. Hekaýalar